«В боях познавшие радость побед...»

Академия военно-исторических наук

Курский
военно-исторический сборник

Выпуск 11

Юго-Западный государственный университет
Юго-Западное отделение Академии военно-исторических наук

«В БОЯХ ПОЗНАВШИЕ РАДОСТЬ ПОБЕД...»

Курский военно-исторический сборник.
Выпуск 11

Курск – 2013

Говор Е.

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ, АНЗАКИ И ПИОНЕРЫ: К ИСТОРИИ РАННИХ КУРСКО-АВСТРАЛИЙСКИХ СВЯЗЕЙ

Об авторе: *Елена Говор – историк и писатель. Окончила Минский институт культуры, работала в отделе южно-тихоокеанских исследований Института востоковедения АН СССР, специалист по истории русско-австралийских связей, занимается историей русско-австралийских контактов и ранней российской эмиграции в Австралии.*

С 1990 года живет в столице Австралии – Канберре. Здесь она стала доктором философии, написав диссертацию «Русские представления об Австралии, 1788-1919». Автор книг: «Библиография Австралии (1710-1983 гг.)», М., 1985; «Российские моряки и путешественники в Австралии», М., 1993 (совместно с А.Я. Массовым); «Австралия в русском зеркале: Меняющиеся представления (1788–1919)», Мельбурн, 1997; «Мой темнокожий брат: История Ильиных, русско-аборигенской семьи», Сидней, 2000; «Русские анзаки в австралийской истории», Сидней, 2005.

Елена – уникальный исследователь. Внучка известного писателя Артема Веселого, восстановившая его генеалогию. Супруга и коллега Владимира Рафаиловича Кабо, доктора исторических наук – этнографа и историка первобытного общества, первобытной культуры и религии, специалиста по истории и культуре аборигенов Австралии (ныне, уже ушедшего от нас).

Занимаясь историей анзаков Елена вернула из небытия множество русских, да и не только русских, имен, объединенных одним – все они выходцы из России. Покидая Родину по различным причинам, для своих близких они становились недоступны на многие годы, а чаще навсегда. Способствовало этому расстояние, войны и политика... Исследования Елены Говор, посвященные россиянам служившим в Британской армии и геройски, по-русски, сражавшихся на полях Первой мировой первые в своем роде. Определенное место в этом списке занимают куряне. Читателю будет несомненно узнать о жизни и судьбах некоторых из них, а может быть кто-то узнает в пожелтевших, чудом дошедших до нас фотографиях, родные лица.

Редакция выражает искреннюю признательность Елене Говор за материалы, любезно предоставленные специально для настоящего выпуска.

В ноябре 1925 года жители поселка Эль Ариш, под Иннифейлом на северо-востоке Австралии, хоронили своего героя. Звали его Джастин Джордж Гуляефф или, по-русски, Устин Георгиевич Гуляев, и был он уроженцем села Долгие Буды под Курском. Вокруг поселка Эль Ариш, названного так фронтовиками, вернувшимися в Австралию с фронтов

первой мировой, как и вокруг его родного села, раскинулись поля, но здесь собирали урожай не зерна, сахарного тростника. Годы спустя, его сын Джордж рассказал мне о том страшном дне: «К несчастью, наш сосед в самый разгар летней жары оставил на своем участке выгорать несколько пней срубленных деревьев. Лес загорелся. Мой отец с другими фермерами бросился перехватить огонь, чтобы спасти урожай тростника на соседних фермах. И в этот момент на него свалилось горящее дерево, верхушка попала ему прямо в голову, и он умер на месте». Позади у Устина было три года боев на Западном фронте в качестве артиллериста в рядах Австралийской армии. Выжив в кровавой мясорубке войны, он пал смертью храбрых на земле далекой Австралии, которая стала его домом. «Он вступил в Австралийскую армию, потому что считал, что если страна стоит того, чтобы в ней поселиться, то она стоит и того, чтобы за нее сражаться», рассказывает Джордж, которому было всего шесть лет, когда погиб отец, и он вырос слушая рассказы соседей-фронтовиков о своем отце – добрую память о русском анзаке в окрестностях Эль Ариша сохранили надолго...[1]

Устин Гуляев в форме австралийского солдата (архив семьи Ринкевич, Австралия)

Называли Устина тогда, впрочем, не русским анзаком, а анзаком из России, и тут надо объяснить историю этого слова. Аббревиатура АНЗАК расшифровывается как Австрало-новозеландский армейский корпус, и анзаками во время первой мировой войны стали называть военнослужащих Австралийской армии. Но анзак это не просто термин военной номенклатуры, для австралийцев это понятие священное, такое же как для русских – фронтовик или, ныне, ветеран. Оно стало популярным в дни первых кровопролитных боев австралийцев в Галлиполи в апреле 1915 г. Тогда же начала слагаться «легенда анзаков», воспевающая стойкость и братство молодой австралийской нации. Вопреки официальной военной истории, которая исходила из постулата, что австралийская армия в годы первой мировой войны состояла почти исключительно из англосаксов, мое исследование выявило около тысячи уроженцев Российской Империи, воевавших в составе Австралийской армии, причем бывшие российские подданные составляли в ней самую большую национальную группу не англо-кельтского происхождения. Кроме этнических русских, в их число входили представители многих других народов, живших на территории Российской Империи. Термин «рус-

[1] George Gooliaeff, письмо 28.08.2001 // Архив Елены Говор, Канберра, Австралия; Killed by a tree. // *Cairns Post*. – 16.11.1925. – С. 8

ские/российские анзаки» я ввела в книге «Российские анзаки в австралийской истории», представив их историю как просопографию – коллективную биографию.[1]

Были среди российских анзаков и несколько уроженцев Курской губернии. Из этой «сухопутной» губернии эмигрантов в Австралии было не так уж много, но тем не менее и до ее берегов добирались куряне. И хотя работа над полной базой данных российских эмигрантов в Австралии, которая позволит найти их всех, еще не завершена, уже сейчас можно очертить основные моменты ранней эмиграции из Курской губернии в Австралию, ранние курско-австралийские связи, и, через призму судеб австралийских уроженцев Курска, познакомиться с различными аспектами истории российской эмиграции в Австралии. Это облегчается тем, что политика Австралии в области своих информационных ресурсов повернута лицом к судьбе «маленького» человека. Это и неудивительно, поскольку в этой стране осознают, что значительный процент нынешних пользователей архивов и библиотек составляют люди, занимающиеся историей своих семей, и всячески приветствуют это интерес. Национальный архив Австралии ведет планомерную оцифровку своей документации биографического характера, таких как иммиграционные досье, дела о натурализации, личные досье военнослужащих, документы служб безопасности, относящихся к концу XIX – первой половине XX века. Это все доступно читателям бесплатно через вебсайт архива. Другие учреждения создают доступные читателям базы данных пассажирских списков, австралийских ЗАГСов, списков избирателей, захоронений и т. п. И, наконец, Национальная библиотека Австралии оцифровала значительное количество австралийских газет XIX – первой половины XX века. Одним словом, теперь с большой долей уверенности можно сказать, что если человек столетие назад жил в Австралии, его судьбу можно проследить за считанные минуты, сидя у экрана компьютера.

Курско-австралийские связи уходят в прошлое более чем на два столетия, когда в 1804 году курский титулярный советник Семен Зубков опубликовал в Курске свое оригинальное исследование с затейливым названием «Краткое историческое обозрение открытия островов португальцами, испанцами, англичанами, голландцами и французами, лежащих в пространнейшем океане, сопредельном Азии и Америке, составляющих пятую часть земного шара, которая от новейших географов называется Полинисиею, Австралиею и Южною Индиею». Австралией или Полинезией в то время называли современную Океанию, а сам материк Австралии носил название Новая Голландия. Поводом к этой работе Зубкова послужила экспедиция Крузенштерна, отправившаяся в 1803 году в Ти-

[1] Elena Govor, *Russian Anzacs in Australian History*. – Sydney: UNSW Press & NAA, 2005. – 310 с. Книгу сопровождает вебсайт, где каждому анзаку посвящена отдельная страница со ссылками к австралийским архивным документам, газетным статьям, воспоминаниям и т.п.

хий океан. Зубков выражал надежду, что «российский флаг проникнет в пределы Полинезии» и адресовал свое сочинение «для пользы российского юношества, которому пространные сочинения весьма бывают скучны и почти бесполезны».[1] К сожалению, задуманное им продолжение труда с описанием каждого острова, в том числе и Австралии, не было опубликовано, а судьба этого замечательного курянина ждет еще своего исследователя. Первые упоминания о Курске появились в австралийских газетах во время Крымской войны, в связи с тем, что в эти края отправлялись британские военнопленные. Писали австралийские газеты и об открытии железнодорожной линии Курск-Москва в 1868 г.[2]

Одним из первых курских эмигрантов в Австралии был Алексей Щеголев, родившийся в Курске в 1859 г. По-английски он писал свое имя как Alexis Theodore Shegoleff и можно было бы предположить, что отца его звали Федор, однако в свидетельстве о смерти отец его записан как Alexis. Алексей приехал в Австралию в 1884 г. из Порт-Саида и поселился в Сиднее, работая агентом по продаже швейных машин. Россиян, а тем более этнических русских, в то время в Сиднее были единицы, и судьба каждого из них была неординарна. Любопытно отметить, что как раз в это время в Сиднее обосновался и завел семью наш путешественник Николай Миклухо-Маклай, но сведений о его контактах с Щеголевым не имеется. Те немногие материалы, что удалось найти о Алексее Щеголеве в австралийских архивах и газетах, косвенно свидетельствуют, что это был человек образованный – об этом говорит его почерк и элегантная подпись в документах о натурализации – и состоятельный. Свидетельство этому – подробная опись украденных у него золотых украшений, которая появилась в 1900 в сиднейской «Полицейской газете». Среди украденных вещей был «саржевый костюм джентльмена» и обручальное кольцо с выгравированной датой «1881» – очевидно в брак он вступил незадолго до отъезда в Австралию и жил в Сиднее с своей женой Евгенией Николаевной; детей у них не было. Сведений о каких-либо связях их с русской общиной Сиднея, которая начала складываться в 1908 году, не имеется, и тайну своего отъезда в далекую Австралию они унесли с собой в могилу – Евгения умерла в 1909 году, Алексей, вслед за ней, год спустя.[3]

Массовая эмиграция в Австралию из России началась уже в XX веке, лет за пять до первой мировой войны. В этот период сюда въезжали от 700 до 1000 уроженцев России ежегодно, в основном русские и украинцы. Большинство ехало через Дальний Восток, Маньчжурию и

---

[1] С. 139, 5.

[2] См. напр. Russia // *The South Australian Register*. – 26.05.1855.

[3] Alexis Theodore Shegoleff – Naturalization // National Archives of Australia (в дальнейшем – NAA), A1, 1908/1641; Burglaries // *New South Wales Police Gazette*. – 14.02.1900; Family notes // *Sydney Morning Herald*. – 4.03.1909. – С. 12.

NEW SOUTH WALES.

STATUTORY DECLARATION.

Referred to in Paragraph 6 of annexed application.

1. Name in full.

I,[1] Alexis Theodore Shegoleff do solemnly and sincerely declare that—

1. My name is Alexis Theodore Shegoleff

2. My age is 48 years, and I was born on the 29th day

2. Name of city, town, or locality.

of March in the year 1859, at[2] Kursk

3. County, state, department, province, or as the case may be.

in the[3] in the Country of Russia

3. My occupation is that of Sewing Machine Agent

4. Full address.

4. My place of residence is[4] 108 George Street West Sydney in the State of New South Wales in the Commonwealth of Australia.

5. I have been resident in Australia for 23 years.

6. I intend to settle permanently in the Commonwealth.

I make this solemn declaration as to the matters aforesaid according to the law in this behalf made, and subject to the punishment by law provided for any wilfully false statement in any such declaration.

Made and declared before me

at Sydney

this ~~day~~ 8th

day of February

1908

[signature] J.P.

Alexis Theodore Shegoleff

It is particularly requested that the writing, especially of the names of persons and places, be plain and legible.

Страница из натурализационного досье Алексея Щеголева (NAA, A1, 1908/1641)

Японию, другой поток шел через европейские порты. Они приезжали в Сибирь и на Дальний Восток в результате переселенческой политики правительства или на заработки, например на прииски или на строительство Транссибирской железной дороги. Некоторые осели здесь после русско-японской войны. Многие были готовы попытать счастья еще раз и отправиться за океан – в Америку, на Гавайи, в Австралию. Были и такие, кто бежал из сибирской ссылки или опасался ареста после участия в революционном движении во время первой русской революции 1905-1907 гг. Иммиграционные агенты зазывали их на свои корабли и сулили золотые горы. Эти российские эмигранты обычно ехали до первого большого порта – Брисбена в штате Квинсленд.

Среди них мы находим около двух десятков уроженцев Курской губернии. В большинстве документов они в графе место рождения просто писали «Курск», не вдаваясь в подробности о конкретном селе иди деревне, однако в ряде случаев место рождения удается уточнить. Так, Федор Сергеев (большевик Артем) родился в Глебово Фатежского уезда, уже знакомый нам Устин Гуляев был из Долгих Буд Обоянского уезда, Василий Рыбенков из Щигров, Евгений Захаров из Грайворонска, Макар Марков из Мелихова Белгородского уезда, а Платон Долженко (Долженков) из деревни Ханок. Все они въехали в Австралию между 1910 и 1914 гг. будучи в возрасте от 20 до 35 лет.

По социальному происхождению большинство были крестьянами или рабочими, однако тот факт, что они добрались до Австралии, свидетельствует о том, что они принадлежали к активной части общества, и в юности покинули свои родные места, отправившись на заработки, на учебу, или переселились в Сибирь. Так Феодосий Васильевич Лавров и его жена Мария родились в Курске, а их дети в Томске, первой остановке на пути их миграции.[1] Михаил Владимирович Иванов до эмиграции в Австралию в 1913 г. год провел в Японии, а затем два года – в Китае.[2] Сын Устина Гуляева писал: «Насколько я знаю, мой отец был единственным ребенком, и его родители были состоятельными людьми. Очевидно мой дед, его отец, был лесоторговцем довольно крупного масштаба, и для начального образования моему отцу брали домашнего учителя, одного из местных священников. Мне говорили, что мой отец год проучился в Московском университете, но затем решил отправиться «посмотреть мир» и в конце концов оказался в Австралии».[3] Некоторые из них имели специальность. Например, муж Домны Гременок, Прокофий, был слесарем. Он родился в Черниговской губернии, а его жена была из Курска. В полицейском донесении в связи с его натурализацией

[1] T. Theodosius Lavtoff Naturalization // NAA, A1, 1921/18764

[2] Evans, Jack (John) formerly known as Ivanoff, M – Naturalization certificate // NAA, A1, 1925/25267

[3] George Gooliaeff, письмо 28.08.2001.

отмечалось, что в России он получил хорошее образование.[1] О жене Платона Долженкова, Ефросинье, полицейский при регистрации счел нужным сделать специальную пометку: «Эта женщина может читать и писать и неплохо говорит по-английски» – случай редкий для женщин того времени.[2]

Поскольку Курская губерния далеко отстояла от российских портов, моряков среди этих ранних эмигрантов было не много. Одним из них был Макар Николаевич Марков, который начал свои странствия в 1912 г., в 16-летнем возрасте, поступив на кочегаром на корабль, идущий в Англию в 1912 году; до Австралии он добрался накануне войны.

Работа доступная русским, которые приезжали в Австралию обычно не зная английского языка, сводилась к тяжелому физическому труду. Однако несколько человек, например, Прокофий Гременок и Александр Боровин, смогли устроиться в Мельбурне по специальности как слесари и механики, Василий Рыбенков всю жизнь работал плотником в Брисбене. Остальные – как и многие другие иммигранты, – кочевали по Австралии в поисках сезонной, временной работы, подряжаясь на рубку сахарного тростника в северном Квинсленде, на строительство железных дорог, скотобойни и шахты. Так, передвижения Михаила Владимирович Иванова, прибывшего в Австралию с Дальнего Востока, можно восстановить по данным в его заявке на натурализацию. Высадившись на острове Четверга у северной оконечности Квинсленда, он год проработал на плантациях сахарного тростника в Бундаберге, два года – в Тарзали (вероятно на строительстве железной дороги), в 1916 г. он перебрался на малоосвоенную тропическую Северную территорию, в Дарвин, где работал на строительстве железной дороги и на скотобойне. Проведя полгода в Брисбене, и так и не устроившись там, он подался в южные районы страны – год работал в Порт-Пири на медеплавильном комбинате, а затем в Мельбурне чернорабочим в электрической компании.[3] Подобным же образом кочевал по Квинсленду и Северной территории Феодосий Лавров, осевший в конечном итоге на постоянной работе на скотобойне под Таунсвиллом. Платон Долженков рубил тростник и работал на шахтах в северном Квинсленде, в 1922 г. поселившись в городке Меган в Новом Южном Уэльсе. На строительстве железных дорог в Квинсленде работал и Артем, а затем, обосновавшись в Брисбене, он стал портовым грузчиком.

А вот судьба грайворонца Евгения Петровича Захарова была необычной. Человек образованный, он имел богатый опыт работы в Туркестане и в странах Среднего Востока, в австралийских газетах его именовали то сельскохозяйственным экспертом, то геологом, то доктором, то

---

[1] Gremenock, P I – Naturalisation // NAA. A659, 1940/1/3493.
[2] DOLZHENKOFF, Efrosinia... // NAA, BP4/3, RUSSIAN DOLZHENKOFF E
[3] Evans, Jack // Op. cit.

профессором. В Дарвин на Северной территории он приехал в начале 1914 г. из Персии и активно включился в исследование возможных путей освоения этой огромной малонаселенной территории. Уже несколько месяцев спустя появились сообщения, что он собирается исследовать возможности культивации риса, табака и хлопка, создав, вместе с американским и австралийским предпринимателями, сельскохозяйственную компанию. Его деятельность на экспериментальных правительственных фермах Бэчелор и Дейли ривер закончилась неудачей, и вскоре в местных газетах стали появляться его мастерски написанные письма-очерки, исследующие причины, тормозящие развитие сельского хозяйства на Северной территории; критика администрации была одной из главных тем его полемики.[1] Его активная жизненная позиция, полемический задор и критика властей наводили на мысль, что он мог принадлежать к числу политических эмигрантов, и действительно в газете «Рабочая жизнь», выходившей на русском языке в Брисбене, удалось обнаружить многочисленные упоминания о Захарове, который одно время был даже секретарем Пайн-Крикского отделения Союза российских рабочих на Северной территории.[2]

Федор Сергеев (Артем)

Самым известным среди политических эмигрантов был легендарный большевик-ленинец Федор Андреевич Сергеев (партийная кличка «Товарищ Артем»). Он родился в 1883 г. в селе Глебово Фатежского уезда Курской губернии и трагически погиб недалеко от своей родины, на 104 версте Курской железной дороги, во время испытания аэропоезда в 1921 году. В 1910 г. он бежал из сибирской ссылки, в 1911 г. добрался до Австралии и вернулся в Россию вскоре после февральской революции. Судьба Артема – интересный феномен советской историографии. Его близкое знакомство с Лениным и приверженность большевистской линии партии способствовали созданию иконописного образа революционера, рыцаря без страха и упрека, а ранняя смерть уберегла его от сталинских репрессий и превращения в орвелловское «нелицо». Более того, его сын Артем, родившийся за несколько месяцев до его смерти, стал приемным сыном Сталина. Все это способствовало небывалой популярности Артема в СССР – выходили сборники его работ, о нем писались книги и романы, защищались диссертации, стави-

[1] News and Notes // *Northern Territory Times and Gazette*, Darwin. – 2.07.1914. – С. 13; E. Zakharow, To the editor // *Ibid.* – 15.07.1915. – С. 8, 9; 9.09.1915. – С. 6; E. Zakharow, Cotton industry // *Ibid.* – 10.09.1921. – С. 4.

[2] *Рабочая жизнь*, Брисбен. – 1916, № 7, 12. 22, 27, 31, 37.

лись пьесы, в честь него возводились памятники, его именем назывались улицы, шахты и населенные пункты. Сказалось это и на историографии российской эмиграции в Австралии. Поскольку все другие лидеры ее были репрессированы в сталинские годы или, хоть и были революционерами, принадлежали «не к тем» партиям, или были «не той» национальности, их деятельность практически оставалась неизвестной в Советском Союзе, в то время как Артем выступал единственным лидером россиян в Австралии – создателем Союза русских эмигрантов, учредителем и издателем газеты «Эхо Австралии» и ее преемниц, и в целом «объединителем и вдохновителем». В действительности картина была гораздо многограннее, рядом с Артемом работали такие неординарные личности как Александр Зузенко, Герман Быков, Константин Клюшин, Иван Кук-Калнин, Борис Таранов-Сквирский, Петр Уткин. В то время как о них в австралийских архивах хранятся многочисленные документы, Артем, не смотря на всю свою революционную деятельность, практически там не «засветился».

Более того, австралийские власти относились к нему с такой симпатией, что в 1916 году он единственный из всех русских был натурализован в Австралии как британский подданный. Дело в том, что с началом первой мировой войны австралийские власти приняли решение отказывать в натурализации всем россиянам моложе 50 лет. Эта мера, надеялись австралийцы с подачи российского консула, подвигнет их вступить в армию. Австралийская армия была добровольной, и россиян принимали в нее и без натурализации. Подав прошение о натурализации в феврале 1916 г., Артем-Сергеев получил стандартный отказ. В ответ он отправил властям следующее письмо (публикуется впервые в переводе автора)

9 марта 1916 г.
Куперс Плейнс, Брисбен

В Министерство иностранных дел
Мельбурн

Сэр,

В связи с вашим ответом мне за № 16/5086 относительно правил натурализации русских, я имею честь привлечь Ваше внимание к тому факту, что, согласно газетным сообщениям, правила, на которые вы ссылаетесь, были отменены; кроме того, я не думаю, что эти правила в какой бы то ни было мере относятся к моему случаю. Дело в том, что у меня нет никаких обязательств касательно военной службы в России. Как ссыльному в Сибирь, мне запрещено законодательством поступать на военную службу в любое время при любых обстоятельствах. Кроме того в России я лишен всех гражданских прав и никоим образом не могу туда вернуться. Причина такого сурового наказания и пожизненной высылки в Сибирь состояла в моем собственном признании, что я принадлежу Российской социал-демократической рабочей партии. Принимая во внимание эти обстоятельства моего случая, которые могут быть под-

твержденны российскими консулами в Австралии, я надеюсь, что вы подойдете к рассмотрению моего прошения более благоприятно.

Я остаюсь вашим покорным слугой

Теодор Сергеев

Письмо Сергеева вызвало внутреннюю переписку сотрудников министерства с комментариями: «это интересное заявление и в своем роде уникальное», «случай кажется исключительным», «подать министру для решения». Полицейский посетил Сергеева в его доме в Куперс Плейнс под Брисбеном и, в результате интервью с ним, обрисовал его в самом доброжелательном ключе: «Податель прошения хорошо говорит и пишет по-английски. Он прилежный труженик, уважаемый всеми соседями». Выяснилось также, что Сергеев стал собственником, купив участок земли размером в 6 акров. Не вызвал особых нареканий даже тот факт, что в прошении Сергеев заявил о том, что он женат, в то время, как выяснил полицейский, подругой его была замужняя женщина Минни Андерсон, муж которой находился уже на протяжении семи лет в госпитале.[1] Хотя де-факто браки в то время не приветствовались, объяснение Сергеева о том, что по отношению к Минни он взял на себя обязательства мужа и всегда представляет ее как свою жену, как кажется удовлетворили власти. По воспоминаниям современников он заботился и о Лили, маленькой больной дочери Минни.[2] Итак, уже в июне 1916 г. он стал полноправным подданным британской короны. Сергеев не был лишен британского подданства и после того, как он покинул Австралию в 1917 году, его имя и имя его жены (Theodore and Minnie Sergaeff) продолжало фигурировать в списках избирателей Брисбена вплоть до 1925 года.

Кроме Артема было еще несколько политических эмигрантов из Курска, о которых сохранились скудные сведения. Например, Александр Боровин (в австралийских документах фамилия писалась как Боривин), работавший в Мельбурне механиком, в 1915 г. дал объявление в местной газете о проведении танцевального вечера, доход от которого должен был идти «на помощь борцам за свободу в России». Это была одна из форм деятельности общества помощи политическим ссыльным и каторжанам, секретарем которого он был. Его имя, в связи с деятельностью этого общества, упоминается и в сохранившихся номерах русской газеты «Известия Союза русских эмигрантов», выходившей в Брисбене. В следующем году в русской газете, появляется объявление Боровина о продаже словаря и самоучителя английского языка и вскоре мы находим

[1] Theodore Andrew Sergaeff – Naturalization // NAA, A1, 1916/7408.

[2] Семенов Ю. Отметить день белым камешком // На «козле» за волком: записки. – М., 1974.

его среди пассажиров корабля, отправляющегося из Мельбурна на Дальний Восток.[1] Как сложилась его судьба дальше, пока не известно.

Когда в августе 1914 года началась мировая война, Россия оказалась главным союзником Великобритании и Австралии. Хотя в Австралии служба в армии была добровольной, россияне, живущие на ее территории, в соответствии с указаниями российского консула Александра Абазы, были объявлены военнообязанными и должны были вступать в австралийскую армию. Но был и другой фактор – голод. Им все труднее становилось получать работу и часто именно это и заставляло их надевать военную форму. А у некоторых еще была и надежда – когда война окончится, добраться до родины. Макар Марков, моряк из Курска, работавший в Австралии шахтером, вступил в армию в 1915 г. и служил в артиллерийской бригаде на Западном фронте в качестве погонщика лошадей – для перевозки артиллерийского оборудования и снарядов в то время в армии использовали гужевой транспорт.[2] Его земляк Устин Гуляев, вступивший в армию в 1916 г. вместе с другими русскими в Рокхэмптоне, на севере Квинсленда, тоже попал в артиллерийскую бригаду, но, очевидно его предыдущее университетское образование позволило ему получить более престижную должность артиллериста.[3] В 1917 г. в армию вступил и Василий Рыбенков, однако на фронт не был отправлен.[4] В армию пытались вступить, но были отвергнуты Антон Синеупов, Прокофий Гременок, Константин Воробьев.

В это время Союз российских рабочих, в духе большевистских установок, занял антивоенную позицию, официально осуждая членов Союза, вступивших в Австралийскую армию. Артем и его соратники в ряде публикаций пропагандировали свои взгляды, в частности вели кампанию против обязательного призыва в армию, возможность которого в это время дебатировалась в Австралии.[5] Взносы в такой «анти-призывный» фонд делали, например, Платон Долженков и его жена Ефросинья.[6]

Положение русских эмигрантов и в армии, и – шире – в Австралии во многом определялось политическим событиями в далекой России и отношению к ним австралийцев. Русские анзаки, возвращаясь в Австралию с войны, попадали прямо в бурю, вызванную недавней русской революцией и радикальными идеями в целом. Они должны были выбирать,

---

[1] *The Argus*, Melbourne. – 30.10.1915, *Известия союза русских эмигрантов*, Брисбен. – 1915, № 60-62; *Рабочая жизнь*, Брисбен. – 1916, № 42

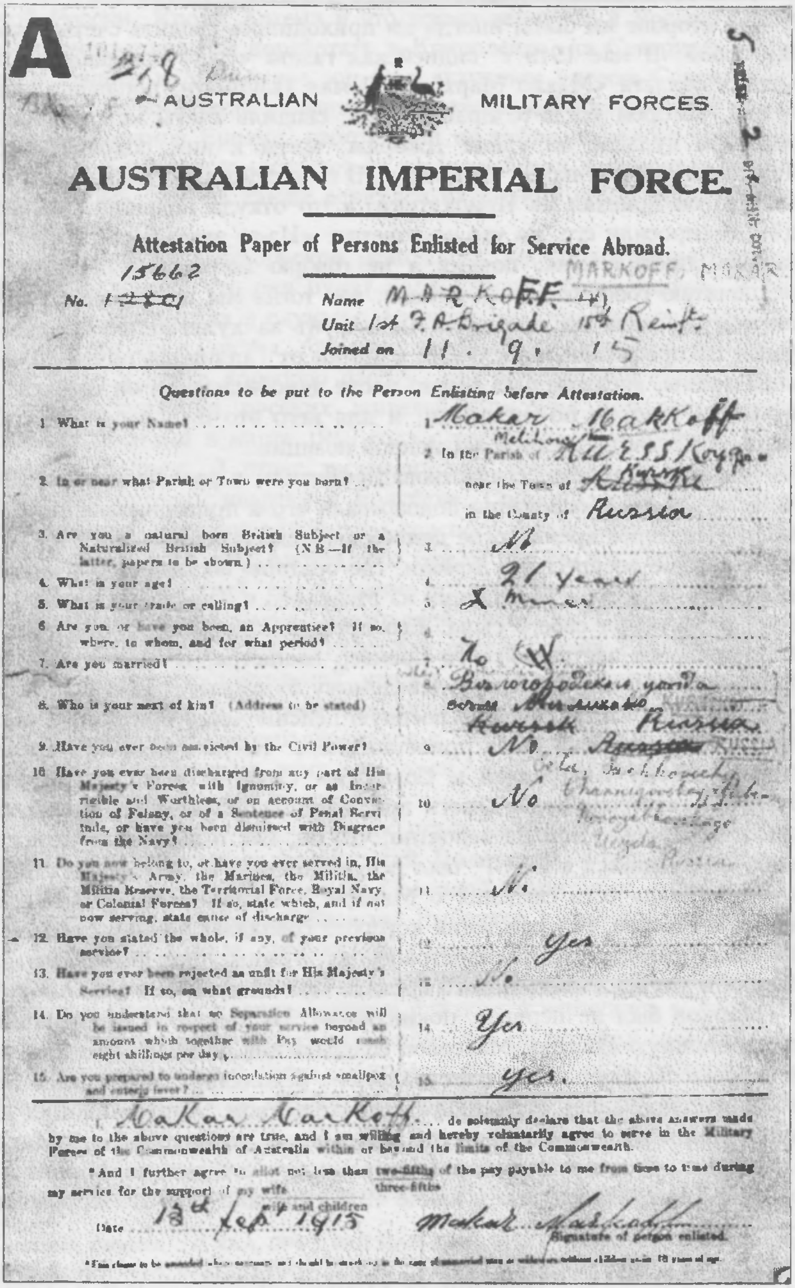
[2] MARKOFF Makar... // NAA, B2455.

[3] Gooliaeff Justin George... // NAA, B2455

[4] The call for men. – *Brisbane courier*, 25.04.1917, p.8.

[5] См. напр. статьи Артема: Еще о мифах // Известия Союза русских рабочих. – 1916, № 11, Защита страны // Рабочая жизнь. – 1916, № 9, 30.

[6] *Рабочая жизнь*. – 1916, № 36.



A

AUSTRALIAN MILITARY FORCES.

AUSTRALIAN IMPERIAL FORCE.

Attestation Paper of Persons Enlisted for Service Abroad.

No. 15662 ~~1221~~ Name ~~MARKOFF. H.~~ MARKOFF, MAKAR

Unit 1st F.A. Brigade 15th Reinf.

Joined on 11. 9. 15

Questions to be put to the Person Enlisting before Attestation.

1. What is your Name?	1. Makar Makkoff
2. In or near what Parish or Town were you born?	2. In the Parish of Melilovo Mllessky… near the Town of ~~Kursk~~ Kursk in the County of Russia
3. Are you a natural born British Subject or a Naturalized British Subject? (N.B.—If the latter, papers to be shown.)	3. No
4. What is your age?	4. 21 years
5. What is your trade or calling?	5. X Miner
6. Are you, or have you been, an Apprentice? If so, where, to whom, and for what period?	6.
7. Are you married?	7. No
8. Who is your next of kin? (Address to be stated)	8. Вологородская улица … ~~Kursk Russia~~ Russia
9. Have you ever been convicted by the Civil Power?	9. No ~~Russia~~
10. Have you ever been discharged from any part of His Majesty's Forces, with Ignominy, or as Incorrigible and Worthless, or on account of Conviction of Felony, or of a Sentence of Penal Servitude, or have you been dismissed with Disgrace from the Navy?	10. No Cela, … Uezda Russia
11. Do you now belong to, or have you ever served in, His Majesty's Army, the Marines, the Militia, the Militia Reserve, the Territorial Force, Royal Navy, or Colonial Forces? If so, state which, and if not now serving, state cause of discharge	11. No
12. Have you stated the whole, if any, of your previous service?	12. Yes
13. Have you ever been rejected as unfit for His Majesty's Service? If so, on what grounds?	13. No
14. Do you understand that no Separation Allowance will be issued in respect of your service beyond an amount which together with Pay would reach eight shillings per day?	14. Yes
15. Are you prepared to undergo inoculation against smallpox and enteric fever?	15. yes.

I, Makar Markoff do solemnly declare that the above answers made by me to the above questions are true, and I am willing and hereby voluntarily agree to serve in the Military Forces of the Commonwealth of Australia within or beyond the limits of the Commonwealth.

*And I further agree to allot not less than two-fifths / three-fifths of the pay payable to me from time to time during my service for the support of my wife / wife and children

Date 13th Sept 1915 Makar Markoff Signature of person enlisted.

Страница из служебного досье Макара Маркова (NAA, B2455)

на чьей стороне им быть; иногда им приходилось сводить счеты даже между собой. В мае 1919 г. сиднейская газета «Сан» сообщала, что два бывших солдата «Макар Марков и Роман Илупмаги, попавшие сюда из страны, которой когда-то правил царь, сводили счеты между собой посредством кулаков на улице Джордж, когда к ним подошел сержант Шекспир и "сунул палец в пирог"». В полицейском суде Илупмаги сказал, что он приехал из Прибалтики. «Это откуда появились большевики?», – спросили его, на что он ответил: «Из-за этого у нас и был спор. Марков спросил меня, почему я не говорю по-русски. Я сказал, что предпочитаю говорить по-английски, вот тогда мы и подрались». Полиция оштрафовала их обоих на один фунт за хулиганство.[1] Илупмаги, кузнец по профессии, прослужил в армии от Галлиполи почти до самого конца войны, когда он был ранен; после демобилизации он остался в Австралии и говорил по-английски, и для него это был вопрос не только языка, но, очевидно, самой жизненной позиции.

Марков, напротив, сочувствовал событиям в революционной России и власти вполне обоснованно подозревали его в приверженности большевизму. Некоторое время после демобилизации он оставался в Сиднее, посещая каждое воскресенье Домейн, где ораторы состязались в политических речах. Его отец, крестьянин из Мелихово в Курской губернии, в это время разыскивал своего сына. Его прошение дошло до Уинстона Черчилля и офиса австралийского премьер министра, и Макар наконец-то вернулся в Россию, навстречу неведомому будущему.[2] Там он некоторое время получал австралийскую военную пенсию через британское посольство, в 1937 году она была приостановлена. Когда дипломатические отношения между Австралией и Советским Союзом были установлены в 1942 году, австралийские власти предприняли безуспешные попытки по розыску Маркова. Вполне вероятно, что он, как и несколько других анзаков, вернувшихся в СССР, был репрессирован. В базе данных общества «Мемориал» есть сведения о Макаре Николаевиче Маркове, арестованном в Москве, год рождения которого совпадает с нашим героем, но, поскольку фамилия эта распространенная, нужны дополнительные исследования и это тема моего нового проекта «Из Австралии в ГУЛАГ».

Марков был не первым, покинувшим Австралию и вернувшимся в революционную Россию. Массовое возвращение политэмигрантов в Россию началось вскоре после февральской революции, на первых порах оно финансировалось временным правительством. Артем покинул Австралию одним из первых, навсегда расставшись со своей женой Минни и ее дочерью. В отчетах цензоров сохранились его письма Минни и маленькой Лили, написанные в конце 1917 – начале 1918 гг. из революци-

[1] Russians fight. Why not a Bolshevik? // *Sun* (Sydney). – 7.05.1919

[2] Makar Nikolaievitch Markoff // NAA: SP43/2, N59/21/590; MARKOFF Makar... // NAA, B2455

онной России. Кроме Артема в это время вернулся в Россию Василий Толстошеев, успевший поработать в Квинсленде, на Северной Территории, в Сиднее и Мельбурне; он был активным членом Союза русских рабочих и его имя часто упоминалось в австралийских русских газетах.[1] Тогда же Парамон Ерохин, работавший на рубке сахарного тростника в Коринде в Квинсленде, исчезает из австралийских документов, и можно предположить, что он также вернулся на родину сразу после февральской революции.[2]

Вскоре после Октябрьской революции Австралия запретила выезд русских, опасаясь, что они будут поддерживать большевиков. В то же время, как мы видели в случае с Артемом, им отказывали в правах австралийского гражданства, без которого было невозможно купить землю, а часто и найти хорошую работу. Эти ограничения стали одной из причин выступления русских жителей Брисбена под запрещенными красными флагами в марте 1919 года с требованием разрешить им вернуться на родину. В ответ австралийские демобилизованные солдаты разгромили русский квартал в Брисбене. События этих дней вошли в австралийскую историю как Бунты красного флага. Это усилило стремление россиян покинуть Австралию. Среди них был и Платон Долженков с матерью, который, как и многие его соотечественники, обратился к советскому, непризнанному Австралией, консулу Петру Симонову с просьбой о репатриации в 1919 г. Его русская жена Ефросинья оказалась настолько самостоятельной, что в в это время покинула его вместе с их сыном Виталием и отправилась жить в Новую Зеландию. Платон остался в Австралии и натурализовался в 1923 г., включив их в сертификат и надеясь, что они к нему вернуться.[3] Как сложилась их жизнь после этого, выяснить пока не удалось.

В 1920 г., как только русских стали выпускать из Австралии, на Дальний Восток отправился Василий Полянский, который, работая на строительстве железной дороги на Северной территории, тоже вступил в Союз российских рабочих.[4] Василий Рыбенков в том же году отправился в Европу, в начале следующего года за ним последовала его жена Ксения с их 7-летней дочерью. Надо полагать, что они благополучно съездили в Россию, повидали своих близких и вернулись в Австралию, т.к. в 1929 г. Василий пишет заявление, что он потерял свое свидетельство о натурализации и снова собирается отправиться за границу. После этого он исчезает из австралийских документов. Вполне возможно, что

---

[1] *Известия союза русских эмигрантов.* -1915, № 93, 93; *Рабочая жизнь.* – 1916, № 2, 12, 29, 31, 35.

[2] Ierochin, Paramon… // NAA, BP4/3, RUSSIAN IEROCHIN P; JEROCHIN, Paramon – Nationality: Russian // NAA, BP313/1, JEROCHIN P.

[3] Dolzhenkoff, Platon – Naturalisation // NAA, A1, 1923/22802.

[4] Рабочая жизнь. – 1916, № 2, 14, 22, 27, 37.

он осуществил свой план, но уже не смог вернуться в Австралию, в то время как его жена и дочь остались в Австралии. Во второй половине 1921 года на родину «повидать родителей», съездил Михаил Иванов. В 1920-1922 гг. съездили на Дальний Восток, повидать родных и Прокофий и Домна Гременок. Анастасия Шейлова из Сиднея покинула Австралию в 1921 г.

Устин Гуляев с женой Вайолет (фото из архива семьи)

Но среди уроженцев Курской губернии были и такие, кто предпочитал жизнь по-австралийски. Именно такова была позиция Устина Гуляева. Еще в армии он подружился со своими австралийскими сослуживцами. «Во время войны его хотели послать в школу для офицерского состава из-за его образованности и знания языков, – рассказывает его сын, – но он отказался, потому что ему пришлось бы тогда расстаться со своими товарищами».[1] Боевое товарищество (mateship) было одним из краеугольных камней формирующегося самосознания молодой австралийской нации. Русским, с их слабым знанием английского языка, с их радикализмом большевистской ориентации в мирной жизни часто не удавалось преодолеть стену ксенофобии, разделявшую их и австралийцев. В боевой обстановке барьеры часто рушились и взаимоотношения Гуляева со своими австралийскими сослуживцами свидетельствует как раз об этом. По иронии судьбы Устина и еще несколько русских досрочно уволили из армии «вследствие русской национальности» после выхода России из войны в начале 1918 г. В это время как раз Устин и встретил свою будущую жену-англичанку. «Мой отец был ранен, и его отправили в Англию, – рассказывает Джордж, – а моя мать перевозила его на скорой помощи, она только что вышла из монастыря... Так они и встретились». Вскоре после рождения их сына Виктория отправилась вслед за демобилизованным Устином в далекую Австралию. «Отец был профессиональным столяром, но он считал, что мужчина должен делать мужскую работу, и поэтому он взял ферму, – продолжает Джордж. – Он выбрал участок в солдатском поселении Эль Ариш, в северном Квинсленде. ... Как все ветераны, мой отец получил участок скрэба (собственно говоря, это были джунгли) и заем в 600 фунтов с обязательством построить дом

[1] George Gooliaeff, интервью, 6.09.2001 // Архив Елены Говор.

и с правом выращивать сахарный тростник в определенном количестве. Поскольку земля сразу дохода не давала, а ему нужны были деньги для создания фермы и для содержания семьи, мой отец нанимался на рубку тростника под Иннисфейлом – изнурительная, каторжная работа, – а каждый вечер в пятницу он шел пешком 20 миль на свой участок, проводил выходные, работая на нем, а к понедельнику возвращался в Иннисфейл на рубку тростника. Когда отец немного расчистил свой участок и построил там дом, моя мать со мной и новорожденной сестрой смогла наконец-то переехать к нему из Брисбена».[1] Устин жил и погиб, помогая своим соседям, как австралийский герой, принявший Австралию, как свое новое отечество.

Но у такого перехода была и своя оборотная сторона. Джордж, например, даже не знал откуда родом был его отец, полагая, что он родился где-то у финской границы. Процесс ассимиляции шел разными путями. Начинался он часто с изменении имени на английский лад. Например, Михаил Иванов при натурализации взял имя Джек Эванс, именно так он проходил в списках избирателей, и только в его свидетельстве о смерти его друзья указали его русское имя. Иногда имя так коверкали, что теперь невозможно даже догадаться, каким было русское имя. Например, Антон Нестерович Синеппов (Sinenpoff) натурализовался, умирая в госпитале под Мельбурном от костного туберкулеза, именно под этой фамилией. В пассажирских списках его имя было записано как Geneipoff, сам он, похоже, расписывался Sineupoff, так что о подлинном его имени можно только гадать.[2] Домна Гременок в ряде австралийских документов фигурировала как Демми.

Несколько иммигрантов приехали сюда с русскими женами, такие семьи обычно тяготели к поддержанию русской общинной жизни. Так, Паша, дочь Прокофия и Домны Гременок, вышла замуж за русского, однако уже их внуков – Вальтера и Люси – звали на английский лад. Брак с австралийками, конечно, способствовал ассимиляции, но русским эмигрантам зачастую непросто было найти себе пару. Джек Эванс, после натурализации в 1925 г., собирался жениться на австралийской женщине, однако он так и не женился и жил до самой смерти у своих русских друзей Петрушеня. Феодосий Лавров приехал в Австралию на заработки, оставив жену и сыновей в России. Так делали многие иммигранты, «выписывавшие» семья только после того, как устроились сами. Семья Лаврова не успела приехать к нему до начала войны, потом Австралия и Россия оказались надолго отрезаны друг от друга. В 1921 году он натурализовался включив их в натурализацию, очевидно все еще надеясь, что они смогут приехать к нему. Они не приехали и Феодосий так и остался

[1] Gooliacff, письмо 28.08.2001
[2] Sinenpoff, A – Naturalisation // NAA, A1,

Form R.A.1.

COMMONWEALTH OF AUSTRALIA

Aliens Act, 1947

Certificate No. ....

APPLICATION FOR REGISTRATION

Name (in full) WOROBIEFF, CONSTANTINE
(Surname of male name in Block letters) (Christian or other names)

1044

22 OCT 1948

Previous name or alias (if any) —

Present address 29. Stanly St. Townsville

Federal electorate Herbert

Nationality Russian Previous nationality (if any) —

Birthplace { Town or City Kursk
Country Russia

Date of birth 12/6/1877 Sex Male

Married or single Single Occupation Meatworker

Name and address of firm or employer Swifts, Australian Co, Townsville

Date of arrival in Australia 1st May 1911 Port of arrival Brisbane

Name of vessel or aircraft Nikomartra Jap. ship

Height 5 ft 4 inches; Colour of hair Grey Colour of eyes Brown

Build Thin Marks ——

If registered under the National Security (Aliens Control) Regulations, number of certificate of registration Q. 9110

Date of issue 22. Sept. 1939 Place of issue Townsville

If married, details of husband or wife as the case may be and of children under the age of 16 years:—

	Name	Address	Birthplace	Sex	Date of birth
Wife/husband					
Children					

(Signature of applicant) C. Worobieff

(Date) 13-10-48

(Signature of witness) [illegible]

(Title) Police Constable

(Date) 13-10-1948

THIS SPACE FOR OFFICIAL USE ONLY

Number of Certificate issued Q 2836.

Date of issue ....

Issued by K. Taylor

Instructed by letter to collect Certificate from this office Post Office ... Date

* For instructions regarding the completion of this form see back hereof.

Регистрация иностранного подданного Константина Воробьева (NAA, BP25/1)

одиноким. Без семьи прожил свою жизнь в городках северного Квинсленда и Алекс Альфонсо (Афанасьевич?) Петров. Не женился и Константин Воробьев, который первоначально работал на Северной территории, а ко времени Второй мировой войны перебрался в Таунсвилл в Квинсленде и работал на мясокомбинате. Он решил не натурализоваться в Австралии и продолжал регистрироваться как иностранец до 1950-х годов.[1]

Политические симпатии Евгения Петровича Захарова, сельскохозяйственного эксперта с Северной территории, не подвигли его вернуться на родину после революции. Он остался в Дарвине на Северной территории. Однако его неугомонная натура не позволяла ему сидеть на месте. Не получив желаемых успехов в сфере сельскохозяйственного предпринимательства, в 1922 г. он обратился к новому полю деятельности, фигурируя теперь в газетах как «русский геолог». Обнаружив нефть на острове Элко, у побережья Арнемленд на севере Австралии, он стал управляющим нефтяной компании, поселившись на острове Элко, устанавливая буровое оборудование и проводя геологическую разведку на соседних островах.[2] Места это были дикие, населенные аборигенами племени галивинку, которые до сих пор сохраняют традиционный уклад жизни. Переход до ближайшего крупного населенного пункта – Дарвина – на парусном судне занимал около двух недель. В 1924 г. Австралию облетела трагическая история о кораблекрушении корабля «Дуглас Моусон», произошедшем недалеко от этих мест. Захаров узнал от местных аборигенов, что часть пассажиров корабля спаслась и высадилась на берег. Ночью все мужчины были убиты, а двух женщин, мать и дочь, аборигены увели с собой. Некоторое время спустя была снаряжена правительственная экспедиция для поиска выживших, проводником которой служил Захаров, однако найти женщин так и не удалось.[3] В дальнейшем на его долю подобные приключения выпадали не раз. В 1925 году он женился на австралийке, которая разделяла с ним все тяготы их пионерской жизни.

К сожалению, после нескольких лет работ, нефтяные скважины на Элко пришлось признать недостаточно прибыльными и, оказавшись не у дел, в 1929 году Захаров отправился на Новую Гвинею. Там, с группой таких же отчаянных исследователей, он занялся поисками золота в труднодоступном юго-восточном горном районе к югу от нынешнего городка Лаэ. Вскоре они все свалились с дизентерией, особенно тяжелым было состояние Захарова, и входивший в их группу доктор Д. Беинсон принял решение нести его на руках до ближайшей взлетной полосы. В

[1] Worobieff, Constantine... // NAA, BP25/1, WOROBIEFF C RUSSIAN.

[2] Oil in the Northern Territory. Interview with Mr. Zakharow // *Northern Standard*. – 16.02.1923. -С. 2.

[3] The Douglas Mawson // *Townsville Daily Bulletin*. – 5.09.1924. – С. 4. Latest story of missing women. // Cairns Post. – 7.11.1924. – С.5.

результате беспрецедентного 200-километрового перехода они добрались до Гараины, но Евгений Захаров умер, так и не дождавшись самолета. Однако остальные члены экспедиции были спасены.[1]

Евгений Захаров, накануне отъезда на Новую Гвинею (NAA, A1, 1929/3246)

Два десятка уроженцев Курской губернии, эмигрировавших в Австралию столетие назад, оставили, казалось бы, едва приметный след в ее истории. Но нет, те немногие, что имели семьи, все еще живут в памяти своих детей. О революционере Артеме помнят в России, Украине и Австралии, и его австралийские годы предстоит еще осмыслить без марксистско-ленинских шор на глазах. Память о таких неординарных личностях, как Евгений Захаров, сохранилась в многочисленных австралийских документах. А остальные – нет, они тоже не исчезли, и есть глубокий символизм в том, что Австралия открывает и оцифровывает свои архивы, чтобы и мы, люди с другого берега, могли вернуть из небытия судьбы своих соотечественников, попавших сюда. И, как знать, возможно со временем благодаря российским архивам и интернету и их судьбы удастся восстановить в полном объеме, и мы увидим, как из них и слагается наша история.

[1] Strenuous career ended. Death of Peter Zakharow // *Townsville Daily Bulletin.* – 21.02.1930. – С. 10; Heroism of doctor in Jungle. Ordeal with dying mate stricken party // *Northern Standard.* – 30.05.1930. – С. 2; Ian Grabowsky, A history of diary form of civil aviation in Papua and New Guinea 1913-1935 // National Library of Australia, Manuscript Dept.